

На дорогах войны: от Нарвы к Полтаве

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, военные, административные и иные преобразования, так поспешно, даже лихорадочно проводившиеся Петром сразу же после нарвского поражения, должны были дать свои плоды на поле боя. Иначе их смысл терялся. Но судьба войны решалась не только количеством пушек и ядер, провианта и рекрутов. Война — это и успех длинных переходов, и бесценный опыт быстротечных кавалерийских стычек и долгих осад. Война — это многолетний поединок талантов полководцев, гибкости дипломатов, это — испытание стойкости солдат и верности союзников. Война — это и случай, бегущая мимо фортуна, которую нельзя упустить.

Все это довелось испытать Петру в течение тех девяти лет, которые разделяли «нарвскую конфузию» и «полтавскую викторию».

Сразу после Нарвы наиболее остро обозначилась проблема взаимоотношений с единственным оставшимся союзником. Петр стремился сохранить союзные отношения с Августом во что бы то ни стало и не допустить выхода Саксонии из войны, — в одиночку бороться с Карлом было крайне опасно. Кроме того, отправляясь в феврале 1701 года в Биржи (Биржай) на свидание с Августом, он рассчитывал втянуть в войну и Речь Посполитую, которая с недоверием посматривала на внешнеполитические авантюры своего нового короля и враждебно относилась к Петру — его незадачливому союзнику. Петру удалось добиться своей главной цели — Август подписал 26 февраля 1701 года договор, который предусматривал значительные жертвы со стороны России во имя сохранения союзных отношений. Петр обещал предоставить в полное распоряжение Августа 15—20 тысяч солдат и 100 тысяч рублей, а также гарантировал передачу Польше Эстляндии и Лифляндии.

Итак, союзники решили продолжать прерванные неудачами военные действия в намеченных районах: Россия — в Ингрии и Карелии, а саксонцы — в Лифляндии и

Эстляндии. Однако свой план Августу осуществить не удалось. Карл XII, перезимовав в Дерпте и получив подкрепление из Швеции, двинулся к Риге и 27 июня 1701 года разбил саксонские войска фельдмаршала Штенау, которым пришлось покинуть Лифляндию. Русский вспомогательный корпус А. Репнина помощи союзнику не оказал и тоже отступил в направлении к Пскову — главной квартире русской армии.

И вот здесь в потоке ушедших навсегда в прошлое событий мы можем не заметить поворота, мимо которого промчался пресловутый локомотив истории. Одержав блестящую победу под Нарвой и Ригой, Карл, таким образом, полностью выполнил свою задачу — изгнал неприятеля из прибалтийских владений шведской короны. И тут перед ним, несомненно, возникла дилемма: или двигаться на Псков, вслед за Репниным, чтобы добить Петра и принудить его к миру, или повернуть в Польшу — вслед за Августом. Если бы Карл избрал первый вариант, Петр оказался бы в очень сложном, если не драматическом, положении перед лицом 25-тысячной, полностью отмобилизованной армии шведов. Но Карл двинулся в Польшу.

Думаю, что в выборе направления Карл исходил из простой логики бойца, сражающегося на два фронта и решившего вначале победить наиболее сильного и поэтому опасного противника, а потом уж взяться за слабейшего. Нельзя сбрасывать со счета и два других фактора: первый — сильная личная неприязнь Карла к роскошествующему, коварному и беспринципному Августу, второй — необходимость дальнейшего расширения и укрепления Шведской империи. Но для успеха в войне на польской земле нужно было, по мнению Карла, свергнуть Августа, однако сначала предстояло победить его. Именно с такими целями Карл летом 1701 года перешел свой рубикон и двинул полки не на Псков, а по дороге на Вильно. Этот шаг не был случаен: в Великом Литовском княжестве — части Речи Посполитой — было много явных и скрытых противников Августа II, не принимавших его как польского короля, равно как и его политику союза с Россией.

Решительность Карла встревожила и саксонцев, и поляков. Они пытались вступить с Карлом в переговоры, но тщетно. Август прибег к самому сильному, по его мнению, средству для достижения договоренности (ко-

нечно, в этот момент он мало думал о верности соглашению в Биржах) — отправил в лагерь Карла XII свою любовницу — графиню Марию Аврору Кёнигсмарк, необыкновенную красавицу, обладавшую к тому же таким умом, что ставивший все под сомнение Вольтер считал ее самой выдающейся женщиной XVII и XVIII веков. Очаровав потомка викингов, Мария Аврора должна была склонить его к миру. Но король не смог оценить ее достоинств, ибо он попросту не захотел видаться с графиней. Делегацию польского сейма он принял и прямо заявил, что не желает говорить о мире, пока Август будет польским королем.

Польша оказалась перед выбором: либо принять условия шведов, либо защищать свою независимость и встать на сторону Августа. И опять, как это часто бывало в польской истории, в час испытаний она не оказалась единой. Как написал бы романист прошлого века, Польша «вновь вверглась в пучину усобиц».

Август стал все чаще смотреть на север, где не умолкая гремели пушки — это Петр принимал первые уроки той школы, которую он «закончит» лишь спустя 21 год. Следует отметить, что в начале Северной войны Петр и в политике, и в военных действиях сильно зависел от своего союзника — Августа и не предпринимал без его согласия сколь-нибудь серьезных действий. Напомним: само «нарвское» начало войны было очевидной данью союзническим отношениям, ибо согласно первоначальному договору с Саксонией районом действий России должны были стать Ингрия и Карелия, а не Нарва — эстляндская крепость. Впоследствии, вспоминая начало войны, Петр писал: «Мы склонились, по неотступным побуждениям министра его (Августа.— Е. А.) генерала Ланга, осадить Нарву в неспособное время, при конце осени, в том единственном намерении, чтоб сделать диверсию и привлечь неприятельское оружие против нас»¹.

Такой же характер диверсий носили и военные действия 1701—1702 годов. Русские войска, имея базой Псков, осуществляли «промыслы» — рейды против стоявшей в южной Эстонии группировки генерала В. А. Шлиппенбаха. Целью рейдов было разорение Эстляндии и Лифляндии — базы шведской армии (уничтожение жилья, посевов, угон скота, людей), а также уничтожение живой силы противника в навязанных ему сражениях.

О начале «промыслов» в Лифляндии в «Журнале» Петра Великого мы читаем: «В том же 1701 году посланными ото Пскова партиями неприятелю гораздо докучали и землю Лифляндскую разоряли (понеже более опасались наступления от неприятеля, нежели сами наступали) между которыми партиями и сия нарочитая учинена. Сентября в 4 день генерал Шереметев посылал из Пскова сына своего Михайла Шереметева, который, переправясь за реку Выбовку (Выханду.— Е. А.) у Ряпиной мызы (Ряпина.— Е. А.), нашел неприятелей 600 человек под командою майора Розена и оных побил и вышеописанного майора, до 80 человек солдат, 3 штандарта и две пушки с аммуницією и с довольным числом мелкаго ружья и обоз взял, и никто из неприятелей не ушел, кроме одного прапорщика»².

Еще более впечатляющ был «поиск» под самим Дерптом, в 50 верстах от которого, у деревни Эрестфер, сам Шереметев атаковал Шлиппенбаха и 1 января 1702 года нанес ему поражение, как и позже, летом, при мызе Гуммельсгоф (Хуммули). Успешно действовал и Я. Римский-Корсаков, который с четырьмя тысячами солдат истребил шведский отряд в двести человек при мызе Ревке (Рыуге). В это же время П. Апраксин нанес несколько чувствительных поражений группе генерала Кронгиорта, оставленной контролировать Ингрию и Карелию.

В августе 1702 года Шереметев взял «на акорд»* крепость Мариенбург (Алуксне) в южной Лифляндии. Во время сдачи этой крепости произошел, согласно записи «Журнала» Петра Великого, такой инцидент: «Командант майор Тиль да два капитана вышли в наш обоз для отдания города по акорду, по которому акорду наши в город пошли, а городские жители стали выходить вон; в то же время от артиллерии капитан Вулф да штик-юнкер, вшед в пороховой погреб (куда штик-юнкер и жену свою неволею с собою взял), и порох зажгли, где сами себя подорвали, от чего много их и наших побито, за что как гарнизон, так и жители по договору не отпущены, но взяты в полон»³.

К этому добавим, что среди мирных жителей, поголовно объявленных рабами в тот злополучный день, была и Марта Скавронская — будущая императрица Екатерина I. Опять мимо нас промелькнула историческая развил-

* От фр. accord — соглашение, договор.

ка,— что если бы цитата из «Журнала» начиналась так: «Комендант майор Тиль да *три* капитана вышли в наш обоз для отдания города по акорду...» — то есть капитан Вулф не осуществил бы свою безумную затею, а вышел бы в русский обоз вместе с комендантом, крепость осталась невредима, мирные жители не стали добычей солдат, а ушли бы в Ригу и, возможно, дальше — в Швецию, судьба Марты, конечно, была бы другой. А была бы другой судьба послепетровской России?

«Промысловый» характер войны в 1701—1702 годах имел большое значение для армии Петра. Были одержаны первые, хотя и весьма скромные, победы. Они были важны для морального подъема войск, помнивших Нарву. Кроме того, была разорена Лифляндия — эта богатейшая житница Швеции. «Сверх сих побед,— пишет жизнеописатель Петра И. Голиков,— нерегулярные наши войска поделали в Лифляндии великия разорения: они по одной рижской дороге пожгли мыз и деревень более 600, и многое число побрано скота и всякого имущества»⁴.

Не приходится сомневаться, что мирное население Лифляндии и Эстляндии испытало все ужасы военного нашествия. В сентябре 1702 года Петр, подводя итоги действиям Шереметева, писал Ф. М. Апраксину: «Борис Петрович в Лифляндах гостил изрядно, довольно и взял нарочитых 2, да малых 6 городов, а имянно: Смелтин, Ракоборк, Лаюс, Адзель, Дербин, Трикат, да Волмер и Мариенберх (ныне — Смилтене, Раквере, Лайузе, Атзели, Дзербенс, Триката, Валмиера, Алуksне.— Е. А.); полону с 12 000 душ, кроме служивых, которым и артиллерии посылаю роспись при сем письме».

В письмах Августу Петр сообщал, что прежние «промыслы» в Лифляндии будет продолжать, а кроме того, планирует «ныне и к литовским рубежам другим приступить и промыслы чинить над неприятелем повелели». Действительно, Шереметев получил 5 августа указ: «довольным людством итить на генерала (Шлиппенбаха.— Е. А.) и естли бог даст счастье, подалее пойтить и чтоб землю их, как возможно далее к Колывани (Нарве.— Е. А.) разорить»⁵.

На самом же деле Петр втайне от шведов и даже своего союзника готовил операцию севернее Лифляндии, а именно — в Ингрии. В январе 1702 года Петр дал наказ командующему армией Шереметеву, в котором речь шла уже не о походах в Лифляндию, а о совсем другом на-

правлении: «1. Проведать о короле (Карле XII.— *Е.А.*), где и сколько с ним (а по ведомостям больши нет как 18 000), также и о Краниорте, где и сколько с ним; 2. В Канцах и Орешке сколько людей; 3. Река Нева покрыта ль льдом или прошла, и когда вскрывается; 4. Намерение есть при помощи божией по льду Орешик доставить, и чтоб для того дела больше Преображенскова, Семеновскова и дву драгунских из Новагорода не брать, да ладаских в прибавку, и для того надобно подвот сколько возможно собрать к Новугороду, а именно те 3000, которые разпущены и велено кормить в ближних местех; 5. А для сикурсу их, оставя во Пскове осаду, з достальными итить господину фельдмаршалку со фсеми войсками конными и пешими (которых будет с 13 тысяч) на Самру и тут стаф, смотреть на обороты неприятельския и чтоб з божию помощию на выручку не допустить к Арешку и Канцам; 6. В Печерах оставить 1000 ч. городовых, кои поплоше, а изо Гдова вывести стройных, для того что недалека от большова войска то месья; 7. Послать для языка к Орешьку или к Канцам, чтоб достать самова доброва языка ис которова города; 8. Все сие приготовление зело хранить тайно, как возможно, чтоб нихто не дознался»⁶.

Продравшись сквозь орфографические и грамматические ошибки Петра, мы легко представим себе замысел царя и поймем, почему он так беспокоился о сохранении секретности плана. Петр задумал, проведя тщательную разведку, силами четырех полков захватить зимним временем Нотебург (Орешек) и Ниеншанц (Ниен, или Канцы). Остальная армия должна была наблюдать за шведами и не дать им прийти на помощь невским крепостям. Более того, Петр пытался создать впечатление, что все его внимание сосредоточено на «промыслах» в Лифляндии. 17 августа он писал Шереметеву: «...чтоб ни было, только нам время, слава богу, есть, и для того извольте вы еще довольное время там побыть и, как возможно, землю разорить или что иное знатное при божией помощи учинить, дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам (на Неве.— *Е. А.*) подать было невозможно»⁷.

Задуманное же Петром не было очередным «промыслом». Это был план завоевания шведской Ингрии. Осуществление его позволяло разорвать коммуникации шведской группировки в Лифляндии и группировки

Кронгиорта, контролировавшей Ингрию, Карелию и Финляндию, а занятие Ниеншанца и Нотебурга позволяло взять под контроль главную водную артерию — Неву — на всем ее протяжении от устья до истока. Планировавшаяся в 1701—1702 годах операция была началом более грандиозного плана закрепления в устье Невы, подобного тому, что было на Азовском море.

Однако идею стремительного захвата крепостей в начале 1702 года осуществить по каким-то причинам не удалось: возможно, шведы узнали о подготовке русских, возможно, Нева вскрылась раньше времени. Как бы то ни было, от своих намерений Петр не отказался. Летом 1702 года в Ладого стали сосредоточивать в огромном количестве запасы вещей, которые могли пригодиться лишь для штурма крепостей, — лестницы, лопаты, мотыги, мешки с шерстью для защиты от пуль. Воодушевляла к решительным действиям в Ингрии и международная обстановка. 5 августа Петр по поводу операций по разорению Лифляндии писал Шереметеву: «Война у голанцов и прочих с французом зачалась (война «за испанское наследство». — *Е. А.*). Изволь ваша милость разсудить нынешней случай, как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но, чаю, ни будущего возвратиться не возможно; также изволь размыслить, какое дальнее [расстояние] от вас до Варшавы, как возможно им оттоль с войском поспеть, хотя б и похотели»⁸. Тем более этот вывод распространялся на театр предстоящих крупных военных действий в Ингрии.

Следует отметить, что план наступления на Ингрию был оригинален и неожиданен для Кронгиорта, сосредоточившего все внимание на защите левого берега Невы от войск П. Ф. Апраксина. Петр, отправившись в Архангельск под видом подготовки города к обороне от шведской морской диверсии, на самом деле осуществил нечто другое. 19 августа 1702 года он писал Августу «от пристани с моря, именуемой Нюхчи», о том, что «мы обрегаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно, з божиею помощию, некоторое начинание учинить». Нюхча-Нюхоцкая пристань на Белом море находилась в 170 верстах от Повенца, расположенного на северном побережье озера Онега. По проложенной в течение месяца дороге посуху, используя традиции русских волоков, было перетащено на плечах крестьян и солдат тринадцать мор-

ских судов, а том числе две яхты, которые уже 26 августа спущены были в Онегу.

Со Свири Петр отправил Шереметеву указ срочно покинуть Лифляндию и Псков и «не мешкав быть к нам», ибо «зело нужно, и без того иначе быти не может»⁹. Такой же указ получил и А. Репнин, чьи полки были расквартированы в Новгороде. 26 сентября основные силы русских подошли к Нотебургу. «Журнал» Петра так отражает первый день осады: «В 27 день по утру о 7 часах пришло и все войско наше под Нотенбург (или Орешек) и стало в лагерь на мысу от города ниже по реке Неве верстах в двух, и уставио обоз свой. Того же дни в городе на башне после обеда, когда уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих».

Но повторение Нарвы было невозможно — Карл XII был в тысячах верст от Нотебурга, а осаждающие уже давно извлекли необходимые уроки. Осада продолжалась всего две недели, и после длительной артподготовки 11 октября начался штурм.

Любопытно сопоставить описания этого события в двух источниках — русском и шведском.

Вот как описан штурм в «Журнале» Петра: «...о полчетверти часа рано начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался: того ради посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а потом Преображенского полка майор Карпов (который вскоре жестоко картечем ранен сквозь ребра и руку) с командированными. И так сей приступ продолжен был в непрестанном огне 13 часов, а именно: от полчетверта часа с утра, до полупята часа после полудня, однакож на брешь ради крутости и малаго места земли около города сильного супротивления неприятельскаго за краткостию наших приступных лестниц (которые в иных местах больше полуторы сажени коротки были) взойти и овладеть не могли, а неприятели с одной стороны строение, которым было наши защищались, каркасами зажгли и непрестанно дробом по наших из пушек стреляли, також бомбы, неперестанно зажигая, со стен катали, от чего великий и несносной вред нашим учинился: чего для уже указ послан был для отступления, но оный посланный, ради тесноты, пройти до командира не мог, а командующий подполковник князь Голицын суда велел порозжия отпустить, понеже стали люди

Штурм Нотебурга Гравюра А. Шхонебека. 1703 г.

некоторые от той неприятельской жестокой стрельбы бежать и когда сие замешкалось, тогда от бомбардир поручик Меншиков суда собирать начал и еще несколько человек людей к берегу явно привел для переезда на помощь нашим. Тогда неприятель, видя такое desperatное действо наших, так же в 13 часов толь утомлен, ударил шамад»¹⁰.

А вот как та же драматическая ситуация описывается в шведской листовке, предназначенной для оповещения населения Швеции: «Первая атака была с 1 часа до 6 час. утра, и враги на этот раз были мужественно отбиты непрерывным киданием гранат; но, тем не менее, тотчас после этого продолжили со свежими и более многочисленными силами другую атаку равным образом на все 3 бреши до 10 час. дня, которая тогда же и таким же образом, как первая, была отражена. Третья атака совершена врагами с другими свежими и еще более многочис-

ленными силами с наибольшим натиском до 3 часа после полудня, и была тогда также, но с наибольшим трудом отбита, так как под рукой больше не было гранат и вместо них пришлось пользоваться камнями; и поскольку враги не позволили себе этим удовлетвориться, но осаждали крепость со всей наличной силой, которая перевозилась на ладьях, и теперь уже не было под рукой многих гранат и также кремней, ружья также из-за продолжительной стрельбы разрывались, вместе с тем все пули были израсходованы, так что во время происходившей атаки вынуждены были довольствоваться такими, которые быстро можно обтесать, и гарнизон был совсем ослаблен... Тогда все офицеры сделали представление коменданту о невозможности далее обороняться от столь крупной силы, которая снова была готова напасть»¹¹.

Петр по достоинству оценил сопротивление, оказанное 35-тысячной армии гарнизоном численностью не более 500 человек, и, как говорит «Журнал», «в 14 день гарнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту (так было принято при выходе гарнизона.— Е. А.) с четырьмя железными пушками сквозь учиненную брешь вышел и на данных судах отпущен со всеми своими вещами к Шанцам»¹².

Победа была восторженно встречена Петром. В одном из писем он назвал ее чудом. В другом письме — А. А. Виниусу от 13 октября, сразу же после штурма, царь писал: «Объявляю вашей милости, что, помощью победыдавца бога, крепость сия, по жестокому и чрезвычайно трудном приступе (которой начался в 4 часа по полуночи, а кончился по четырех часах по полудни), здалась на акорт, по которому камендант Шлиппенбах со всем гарнизоном выпущен... Правда, что зело жесток сей орех был, аднако, слава богу, счасливо разгрызен. Алътиллерия наша зело чюдесно дело свое исправила»¹³.

Действительно, взятие этой сильнейшей в Ингрии и Карелии крепости трудно переоценить, как и ее ключевое значение в системе обороны северо-запада. Именно поэтому (как записано в «Журнале» Петра Великого) сразу же «тогда переименована сия крепость Шлюсенбургом, что сие имя потом с помощью Божиею действительно случилось, ибо сим ключем отворились ворота в неприятельскую землю». И далее: «По взятии же той Шлюсенбургской крепости еще той же осени она укреплена новыми болверками кругом всего города, к которой работе

приставлены были ради надзирания из знатных персон». Так Петр поступал после взятия всех крепостей, которые хотел удержать¹⁴.

Современники почти сразу же оценили значение взятия Нотебурга для будущего. А. Виниус в своем письме Петру от 12 мая 1703 года в стиле традиционных панегирических речей так воспел взятие крепости: «Тем же, мой милостивейший, велика есть сия виктория, многих ради последующих случаев полезных: мало не от самая Москвы руководствует на вся потребности вода... Хвала буди неиспытанным божиим судьбам, иже, верю, яко за предстательством святого российского проповедника и апостола Андрея, иже и Варяжских дойде предел, во знак своего креста ныне (о дивное чудо!) по желанию вашему государскому от пристани океанской (т. е. от Архангельска.— *Е. А.*) до Азова, а от Слотенбурха до Астрахани совершил есть, украсил и совершил есть замкнение по число четырех частей вселенских четыре дивныя пристанища, на которых во удивление всех народов водрузишася славныя ваша государския победительныя павильоны, и северный Нептунус привлече во своею компанию к Перскому Турецкаго и Варяжскаго тритонов (соответственно — символы Северного Ледовитого океана, Каспийского, Азовского и Балтийского морей.— *Е. А.*), иже в трубы своя, по своим морям шествуя, вашу государскую фаму (славу.— *Е. А.*) повсюду разносят»¹⁵. Если то же мы выразим сухим языком учебных пособий, то в приветствии Виниуса речь идет о «широких перспективах хозяйственного освоения региона при условии использования речного судоходства в народнохозяйственных целях», о превращении сухопутной Москвы в пресловутый «порт пяти морей».

Весной следующего, 1703 года наступила очередь Ниена (Ниеншанца) — довольно слабой крепости в устье реки Охты, впадающей в Неву. 1 мая, прежде чем начался штурм, осажденная крепость сдалась, а 7 мая была одержана небольшая, но памятная в истории Северной войны победа.

Произошло же это так. 6 мая от стоящей на взморье шведской эскадры вице-адмирала Г. Нуммерса, как сообщает «Журнал» Петра Великого, «пришли 2 шведския судна — шнява и большой бот,— и стали перед устьем на якорь, для того, что опоздали и в устье войти не могли. По которым ведомостям майя в 6 день капитан от бом-

Взятие русскими войсками двух шведских судов в устье Невы 6 мая 1703 года. Гравюра А. Ф. Зубова по рисунку А. Шхонебека 1703

бардиров (Петр.— Е. А.) и порутчик Меншиков (понеже иных на море знающих никого не было), в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит против деревни Калинкиной к морю; а 7 числа пред светом половина лодок поплыли тихою греблею возле Васильевского острова под стеною онаго леса и заехали оных от моря, а другая половина с верьху на них пустилась. Тогда неприятель тот час стал на парусах и вступил в бой, пробилаясь назад к своей ескадре (также и на море стоящая ескадра стала на парусах же для выручки оных), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами и хотя неприятель жестоко стрелял из пушек по наших, однакож наши, несмотря на то, с одною мушкетною стрельбою, и гранаты (понеже пушек не было), оные оба судна абординировали и взяли»¹⁶

Закладка Петербурга 16 мая 1703 года выглядела скромным событием по сравнению с празднованием

Основание Петербурга. Бронзовый барельеф работы К. Б. Растрелли.

30 мая этой «никогда прежде бывшей морской победы». Петр и Меншиков удостоились высшего, и, впрочем, единственного тогда, ордена Андрея Первозванного, остальные участники сражения также были щедро награждены.

Петр написал о победе в Москву и в ответ получил уверения, что ничего подобного в истории России не было. Так, боярин Б. А. Голицын писал царю: «Не возмни, государь, яко ласкаю, но суще от сердца по слезами пишу: хотя от начала света всех собрать летописцев, нигде не найдешь, как такую отвагаю и смелым сердцем учинено, как сие тобою»¹⁷.

Старый льстец знал, что делал, проливая слезы умиления: царь, поздравляя своих сановников со взятием бота и шнявы и называя это «никогда бываемою викториєю», распорядился поискать аналогичные события в истории. Их, конечно, не нашли! Все эти характеристики итогов боя в устье Невы — более чем сильное преувеличение, как и текст медали, выбитой по этому случаю: «Небываемое бывает». Такие победы были обычным делом для донских и особенно запорожских казаков, бороздивших Азовское и Черное моря и стаями нападавших на своих легких «чайках» на любое зазевавшееся турецкое судно, военное или купеческое. Но, видимо, такая явная переоценка событий 7 мая была необходима Петру для воодушевления людей, да и себя самого, и служила известной компенсацией не особенно блестящих успехов на воде, особенно если вспомнить прилагаемые Пет-

Медаль в честь основания Петербурга 16 мая 1703 года работы Ф. Г. Моллера. Около 1714—1716 гг.

ром усилия и его сердечное пристрастие к морю и кораблям.

В самом деле, флот, построенный в Воронеже, не участвовал ни в одной стычке с турецким флотом; яхты, с огромными усилиями посуху за 170 верст перетащенные из Белого моря в Онегу, тоже негодились: из-за встречного ветра их пришлось бросить в Сермаксе, а самим идти к Ладоге пешком. Позже, при осаде Нотебурга, они не смогли воспрепятствовать прорыву двух шведских судов с подкреплением гарнизону Нотебурга, обложенного со всех сторон. После этого понятен восторг по поводу «морской победы» на реке Неве.

Взятие Ниеншанца было лишь началом закрепления России в устье Невы. На военном совете после взятия Ниеншанца крепость была признана неудобной, как слишком маленькая, плохо обороняемая и расположенная далеко от моря. Поэтому решили ее не укреплять, а строить новую. 16 мая 1703 года такая крепость была основана на острове Луст-Эланд и названа Санкт-Петербургом. Часть армии во главе с Шереметевым двинулась к Копорью. К Яму (современный Кингисепп) — другой крепости Ингрии — подошел отряд генерала фон Вердена. «Оба места, — как записано в «Журнале» Петра, — с малым сопротивлением сдались (понеже были малолюдны и малы) и гарнизоны отпущены в Нарву».

Заняв Ям, русское командование, как и в случае с Нотебургом, тотчас начало вести вокруг него обширные фортификационные работы, совершенствуя укрепления

Кроншлот. Гравюра П. Пикарта. 1715 г.

крепости, названной теперь Ямбург Петр предпринял также некоторые другие действия, чтобы укрепиться в Ингрии. Во-первых, после сражения на реке Сестре шведский отряд Кронгиорта, пытавшийся перехватить инициативу в Ингрии, был отброшен к Кексгольму. Во-вторых, в Лодейном Поле с основанной в 1702 году верфи один за другим начали спускать первые корабли будущего Балтийского флота. Наконец, в-третьих, в начале октября 1703 года, когда шведская эскадра под командованием адмирала Г. Нуммерса ушла из устья Невы на зимнюю стоянку в Выборг, Петр на яхте осмотрел остров Котлин и распорядился «в море делать крепость». Уехав на зиму в Воронеж, царь прислал оттуда (как сообщает «Журнал») «модель крепости, которую делать в море у Котлина острова, послал со оною губернатора Меншикова (понеже оный при вымеривании того места был), который той же зимы оную и построил, и нарекли оной имя Кроншлот»¹⁸.

Так, в сущности за год была занята Ингрия, или, как ее стали называть, Ингерманландия. Петр крепко взялся за ее главную коммуникацию — Неву, от истоков до устья. Победы в Ингрии с несомненностью свидетельствовали о возросшем воинском мастерстве русской армии, крепнущем стратегическом таланте ее подлинного командующего — Петра. Вместе с тем не следует переоценивать эти победы, ибо подтвердились самые худшие опасения шведского военного инженера Э. Дальберга, инспектировавшего в 1681 году крепости Ингрии и пришедшего к выводу о почти полной непригодности их к обороне. Так, дав уничижительную характеристику сооружениям Ньюна (Ниеншанца), он писал в отчете Карлу XII, что, «если не удержать Ньюн, то ни Кексгольм, ни Нотебург не помогут защитить Карелию и Кексгольмский лен и даже сам Выборг. А русские, благодаря большой численности своего войска, легко могут навсегда осесть в этом месте между этими важными реками (Охтой и Невой.— Е. А.) и таким образом, не дай бог, получают выход к Балтийскому морю, о котором они мечтали с незапамятных времен»¹⁹. За целое двадцатилетие шведы фактически ничего не предприняли для укрепления крепостей в Ингрии, да и по всей Восточной Прибалтике, и Эрик Дальберг оказался Кассандрой, чьим пророчествам не верили.

В середине мая 1704 года с бастионов Нарвы шведы вновь увидели движущиеся с северо-востока войска — это русская армия, как бы завершив огромный круг во времени и пространстве, три с половиной года спустя вновь подходила к Нарве и Ивангороду. Но это была уже другая армия, о которой можно было, вспоминая нарвскую катастрофу, сказать, что за одного битого двух небитых дают. В конце мая город был блокирован, а 8 июня шведы попались на военную хитрость. Петр, узнав, что на выручку Нарве от Ревеля движется отряд генерала Шлиппенбаха, скрытно отправил на ревельскую дорогу несколько полков пехоты, специально переодетых в синее (преимущественный цвет формы шведской армии). Показавшись на виду крепости, они выманили часть нарвского гарнизона на вылазку и окружили вместе с осаждающими вышедший на помощь лжешведам отряд. В полном восторге Петр писал А. Кикину 16 июня 1704 года, тонко уловив психологическую подоплеку происшедшего под стенами Нарвы: «Я иного не

знаю, что писать, точию что недавно пред сим учинилось как умных дураки обманули. И сие разсуждая, не могу больше двух дел выразуметь: первое, что бог вразумил, другое, что пред их очами гора гордости стояла, чрез которую не могли сего подлога видеть»²⁰.

Не знаю, соответствует ли подобный маскарад с воинской формой и знаменами этике тогдашней войны, но для барона Горна — коменданта Нарвы — это было скверное предзнаменование. 17 июля шведы могли наблюдать со стен крепости новый взрыв восторга в лагере осаждающих. Это через Чудское озеро вверх по Нарове подошли яхты, доставившие из взятого Шереметевым Дерпта целую коллекцию трофейных знамен.

Тогда же была наконец доставлена осадная артиллерия и начался непрерывный обстрел Нарвы — десять дней подряд «по вся дни: пушечная от утра даже до вечера каждого дни, а из мортир и ночи не переставая», что привело к разрушению двух бастионов, пожарам в городе²¹.

6 августа в Нарву был отпущен комендант Дерпта полковник Скитте, которого просили убедить Горна сдать крепость, но Горн не внял ни его советам, ни ультиматуму командующего русской армией фельдмаршала Огильви.

Тогда в ночь с 8 на 9 августа с отправки в ров солдат-штрафников с лестницами и условного залпа мортир начался штурм Нарвы, очень быстрый, очень успешный и очень кровопролитный, ибо с трудом удалось остановить страшную резню мирных жителей, начатую солдатами, ворвавшимися в крепость.

Подводя черту эпопее «от Нарвы до Нарвы», Петр писал 14 августа Ф. М. Апраксину: «Я не могу оставить без возвещения, что всемилостивейший господь каковым счастьем сию атаку окончити благоволил, где пред четырьмя леты оскорбил, тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславную крепость, чрез лестницы, шпагою в три четверти часа получили. Хотя неприятель подкопом крепко наших подорвал, однакож солдат гем устрашити не мог. Потом неприятель в другую старую крепость вбежал и бил шамад, дабы окорд или хотя б пардон получить, но солдаты наши слышать того не хотели, тотчас и в оную ворвались, потом и в замок, где неприятелю доброй трактament был, что и младенцев много оставили»²².

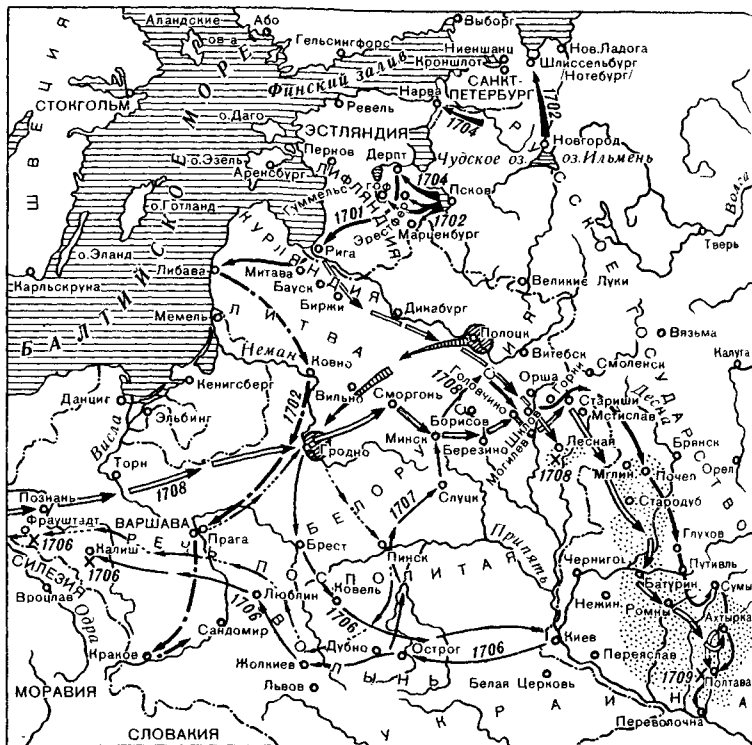
Взяв Нарву и Дерпт, Петр вступил в Эстляндию, которая вместе с Лифляндией должна была перейти к Польше по существующим соглашениям. Специальным манифестом Петр подтвердил безусловное право Польши на эти земли, а свои завоевания объяснял необходимостью подорвать шведское владычество в Восточной Прибалтике. В подтверждение этих намерений накануне осады Нарвы Шереметев осуществил глубокий «поиск» в Эстляндию. Регулярные части взяли и сожгли Везенберг (Раквере), Вейсенштейн (Пайде), Фаллин (Вильянди), Обер-Пален (?), Руин (Руине), а части казаков, татар, калмыков и башкир превратили в пустыню сельские районы центральной и южной Эстонии, уничтожая деревни, посеы, угоняя в рабство людей, а также скот.

Будучи трезвым политиком, Петр прекрасно понимал, что успехи его армии в 1701—1704 годах мало чего стоят до тех пор, пока существует и побеждает в Польше армия Карла XII. Судьба Ингрии и Карелии, Шлиссельбурга, Петербурга, флота, выхода к морю решалась в то время в Польше. Думаю, что Петр был согласен с мыслью Паткуля, взятого в 1702 году на русскую службу и писавшего руководителю Посольского приказа Ф. А. Головину: «Уверяю, ваше превосходительство, что ни взятие Нарвы, ни победы в Лифляндии не заключают в себе ничего решительного; пока шведский король будет господствовать в Польше, до тех пор он будет господином войны и мира»²³.

Чтобы Карл как можно глубже «увяз» в Польше и тем самым позволил выиграть время и подготовить способную к борьбе с ним армию, Петр приложил все усилия к заключению русско-польского союза против шведов, оказывая постоянную помощь Августу и его сторонникам оружием, деньгами, войсками.

В этот момент, когда первый этап войны (1700—1704 гг.) успешно для России заканчивался, Петр продемонстрировал качества незаурядного дипломата, терпеливого, настойчивого политика, умело использовавшего свои первые военные успехи и явные промахи противника. А их было много: Карл вел себя в Польше как завоеватель, навязывая Речи Посполитой свою волю. Здесь, как и в других обстоятельствах, Карл XII проявил себя как своеобразный антидипломат, откровенно презирающий всякие внешнеполитические победы, достигаемые с помощью языка, а не оружия. Совершенно рав-

Ход Северной войны в 1701—1709 гг.

← Поход Карла XII в 1701—1702 гг. (в Польшу)

← Направление действий русских войск в 1701—1704 гг.

← Движение и район сосредоточения основных сил русских войск в 1705—1706 гг.

← Поход Карла XII в конце 1705 г.—1706 г.

← Выход русских войск из окружения в 1706 г. и последующие действия до июля 1708 г.

← Поход Карла XII в августе 1707 г.—мае 1709 г. (к Полтаве)

← Путь вспомогательного корпуса шведских войск под командованием Левенгаупта (август—сентябрь 1708 г.)

← Движение главных сил русских войск в июле 1708 г.—мае 1709 г. (к Полтаве)

× Места важнейших сражений и боев

— Границы государств к началу войны (в 1700 г.)

нодушен он был и к столь важной в длительных конфликтах экономической стороне дела. Он полагал, что с противником может быть только один разговор — о том, на каких условиях тот сдается на милость победителя. За время своего правления он, казалось, сделал все, чтобы поставить Швецию в изоляцию и разрушить ее международные связи. Он не понимал, что дипломатия — дело не менее сложное и эффективное, чем победа на поле боя.

В подходе к дипломатии — этому «ремеслу королей» — была принципиальная разница между Карлом и Петром. Русский царь очень рано понял, что в области международных отношений России нужна реформа. Речь шла об изменении традиционных форм русской дипломатии, отказе от посольств как своеобразных дипломатических караванов в пользу постоянных представительств, укомплектованных знающими страну аккредитования и международную обстановку дипломатами. Петр понял, что нужно отказаться от устаревших норм протокола, ради соблюдения которых русские послы могли провалить жизненно важные для страны переговоры.

Вспоминается немало анекдотических случаев, делавших русских представителей посмешищем при европейских дворах. Так, гонец Симановский привез в 1682 году в Берлин царскую грамоту и, согласно жалобе бранденбургского дипломатического ведомства, крайне вызывающе вел себя на приеме у курфюрста Фридриха-Вильгельма, «удерживая онаго курфирста больше полутора часа своим упрямством и домогательствами где ему, курфирсту, встать, где шляпу снять, какие чинить самому и какие ближним его вопросы, отрицался целовать руку у курфирста и пить про его здравие, яко некоронованной главы и пр.»²⁴.

Реформировать дипломатическую службу оказалось сравнительно нетрудно. Труднее было реформировать принципы внешней политики. Петр отчетливо понял направление, в котором надлежало их перестраивать. «Им было вполне осознано изолированное положение России, пытавшейся бороться за место под солнцем, имея в противниках не отдельные страны или простую сумму их, как полагали допетровские политики, а сложившуюся систему государств. Он первый понял, осознал со всей очевидностью, что, пока Россия не войдет в «концерт» европейских стран, не установит союзнических и иных связей с ними, равноправия не будет. Государство оста-

нется «вне закона», то есть не сможет апеллировать к нормам международного права, но будет вынуждено по-прежнему отстаивать свои интересы в одиночку. Именно в этой преданности идее проведения коалиционной, совместной линии внешней политики нам и видится исток неуклонного бескомпромиссного стремления Петра создать и любой ценой сохранить союзную межгосударственную систему»²⁵. К этому высказыванию В. Е. Возгрин — специалиста по истории внешней политики России — следует добавить, что Петр отчетливо осознавал и то, что войти в европейский «концерт», утвердить себя под солнцем можно лишь силой. Только военное могущество делало равным новичка, пытавшегося потеснить старожилов мировой политики, только военные победы делали действительными договоры и соглашения.

Любопытно, что сам Петр в октябре 1708 года писал Головкину, что ему некогда заниматься многочисленными посольскими делами, так как «непрестанную суету имею о исправлении полков по баталии, которая вещь есть надежнее всех посланнических дел».

В первый год войны посланник в Вене П. А. Голицын с отчаянием писал в Москву: «Главный министр граф Кауниц и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами... Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани боже, если нынешнее лето так пройдет. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которой имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключать, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются»²⁶.

После «нарвской виктории» ситуация изменилась, но говорить о равенстве сил в 1704 году было бы преждевременно. И тогда, да и позже, Петр не скрывал своего нежелания столкнуться с Карлом на поле боя, хотя прекрасно понимал значение победоносного генерального сражения. В инструкции дипломатам, отправлявшимся на переговоры с поляками, он писал об Августе: «Его величество, как видим, спешит дело совершать и чтоб счастливым полевым боем окончать, но сие дело в ведении точию Вышего суть, нам же, яко человеком, надлежит ближняя смотреть; кратко реши, что искание генерального бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело

опровержено быть»²⁷. Впрочем, Августа особенно уговаривать не приходилось, он сам в бой не рвался и, по словам русского посланника Г. Ф. Долгорукого, «разсуждение и совет его царского величества за благо изволил воспрять и намерение свое объявить, что его величество всеми мерами искать будет неприятелю тесноты и урону, как возможно, а генерального бою и сам его королевское величество быть не соизволяет, понеже еще не видит такого случая, чтоб был неприятелю силен».

Карл же, пользуясь своим военным могуществом, вел свою линию политики властно и бескомпромиссно. Он, поражая поляков своей прямолинейностью, надменностью, неуступчивостью, разорял страну тяжелыми контрибуциями, унижал национальное достоинство поляков массовыми экзекуциями. «Этот король — чистый солдат, — пишет в своих мемуарах Константен де Турвиль, участник похода Карла XII в Россию. — Его качества, без сомнения, велики и блистательны, но та негибкость, которая определяла его характер, выказывая, в частности, его внутреннюю суть в манере поведения, выявлялась в совершенной грубости и резкости, с которыми трудно свыкнуться»^{27а}. После этого стоит ли удивляться тому, что Карл шел напролом, не считаясь с традициями Речи Посполитой, решительно требуя детронации Августа и провозглашения нового короля. Не сумев воспользоваться сильными антирусскими и антисаксонскими настроениями шляхты, существовавшими еще со времен избрания Августа королем в 1697 году, Карл 12 июля 1704 года силой оружия вынудил меньшую часть сенаторов и дворян «избрать» в короли познанского воеводу Станислава Лещинского.

Избрание Лещинского, проведенное с нарушением обычаев, характерных для Речи Посполитой, привело к усилению Сandomирской конфедерации — всепольского ополчения сторонников Августа. Они объявили войну Швеции, признали Варшавскую конфедерацию Станислава рокошем, то есть сборищем людей, поставивших себя, свои семейства и имения вне закона. Триумфом Петра стало заключение 19 августа 1704 года в Нарве русско-польского антишведского союза. Таким образом, Карл своими действиями добился того, что так долго не удавалось Петру, — союза Польши с Россией. Со своей стороны Петр направлял в Польшу, в распоряжение Августа, 12 тысяч солдат и выплачивал субсидию в 200 ты-

сяч рублей, для чего на 1705 год все русское крестьянство было обложено довольно тяжелым дополнительным денежным сбором.

Логика борьбы неизбежно влекла и самого Петра на равнины Польши, где Карл продолжал безуспешную «охоту» за Августом, умело уходившим от генерального сражения. Петр не мог не понимать, что рано или поздно их встреча с Карлом должна состояться и в ней будет решена судьба Восточной Прибалтики, да, возможно, и всего, что было важно и дорого для Петра и Карла. Именно поэтому с осени 1704 года русские войска стали накапливаться в Полоцке — пункте, стратегически удобном для действий как в прибалтийском, так и в варшавском направлении.

12 июня 1705 года в армию приехал Петр. Так, летом 1705 года все главные действующие лица драмы Северной войны — Петр, Карл, Август и Станислав — оказались в пределах досягаемости друг для друга. Кто бы мог подумать, что не пройдет и полутора лет, как трое из этой четверки — Карл, Август и Станислав — будут, мирно беседуя, сидеть за общим столом. Правда, из троих королей один станет уже экс-королем... Однако об этом подробнее будет сказано ниже, а пока Петр собирал силы в Полоцке и затем перебросил их в Гродно. Карл из Варшавы внимательно наблюдал за этими маневрами царя и ничего не предпринимал.

Наступила зима, Петр уехал в Россию, и тут шведы неожиданно перешли в наступление. Меншиков, находившийся при армии, задолго до подхода шведов получил сведения о начале их движения на Гродно. В письме Петру он успокаивал царя: «Однакож ваша милость не извольте сомневаться, понеже мы здесь во всякой готовности и полки наши сюда собираются и вскоре со всем управимся»²⁸.

Но скорее Меншикова и Огильви «управился» Карл, сумевший за две недели пройти в лютый мороз 360 верст и внезапно появиться перед Гродно. Точным маневром он прервал коммуникации русской армии с Россией так, что Петр даже не смог проехать в Гродно, а курьеры с указаниями, чтобы попасть в Гродно, переодевались в крестьянское платье. Выпад Карла был настолько неожиданным для русского командования, что кавалерия генерала Ренна оказалась отрезанной от основной группы войск под командованием Огильви. Находившийся в Гродно Август

чудом вырвался из западни, в которой оказалась вся русская армия, к тому же не имевшая достаточно продовольствия. Петр попросил помощи у Августа, тот отправил к Гродно 20-тысячный саксонский корпус генерала Шуленбурга, но в начале февраля 1706 года в Гродно пришла страшная весть: шведский генерал Рейншильд, численность корпуса которого уступала противнику почти в два раза, наголову разбил под Фрауштадтом Шуленбурга и практически уничтожил входившие в саксонский корпус русские полки.

Ситуация в Гродно стала драматической. Лишь 24 марта, воспользовавшись ледоходом на Немане (что мешало шведам форсировать реку у города), Огильви и Меншиков вывели армию из западни. Она начала отступать к Киеву. На этом отрезке войны хорошо видно, что Петр еще не ощущал необходимой для полководца уверенности и еще не желал личной встречи с Карлом на поле боя.

Упустив поспешно отходившие русские войска, Карл немедленно устремился прямо на Дрезден, столицу Саксонии — владения Августа. Этим он поставил польского короля в безвыходное положение: саксонская армия, в отличие от русской, не имела стратегического простора для отступления. 13 октября 1706 года в замке Альтранштадт, что недалеко от Лейпцига, саксонские представители заключили со шведами мир на очень тяжелых и унижительных для Августа условиях: он отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и был вынужден по требованию Карла даже поздравить своего заклятого врага с победой; он разрывал также союз с Россией, выдавал шведам, как пленных, всех русских солдат, находившихся в его распоряжении, и передавал им, как преступника, русского посланника при своем дворе Паткуля, впоследствии казненного шведами.

Договор — прямой результат сражения при Фрауштадте, в корне менявший положение в Польше, держался в глубокой тайне. Через пять дней после его заключения русско-саксонско-польские войска под командованием самого Августа и Меншикова одержали победу при Калише над шведским генералом Мардефельдом, причем в плен попал и сам генерал, и более 2500 его солдат и офицеров. Меншиков, идя навстречу просьбе Августа, отдал пленных шведов саксонцам, а те отпустили их, в силу уже действующего договора, к шведам.

В истории Альтранштадтского договора есть любопытный подтекст. Тому, что такой договор стал возможен и состоялся, удивляться не приходится. Карл представлял по тем временам огромную силу, которой побаивались и в Вене, и в Берлине, и даже в столицах морских держав, стоявших всегда в тени кулис театра политики на севере. Саксония, потерпевшая поражение при Фрауштадте, оказавшись без поддержки России и Речи Посполитой, не смогла бы долго сопротивляться Карлу XII. Надо заметить, что Петр также не отказывался при случае заключить сепаратный мир со шведами: с 1703 по 1709 год он постоянно зондировал почву для заключения такого соглашения; причем в случае успеха вряд ли бы особенно задумался об интересах Августа. Альтранштадт был воспринят царем как аморальный поступок союзника главным образом потому, что, заключив мир со шведами, Август повел двойную игру, утаив от Петра происшедший поворот и не дав России возможность перестроить политику.

Важно подчеркнуть здесь личностный аспект отношений русского царя и польского короля. Для Петра Август был не просто союзником, а коронованным другом, с которым его объединяло нечто большее, чем только борьба со шведами. Ни одному из своих коронованных «коллег» Петр не писал таких сердечных писем, как Августу — «возлюбленному брате». В одном из посланий, понимая условность дипломатической лексики и строгость официального формуляра, он подчеркивал в скобках: «Мой господине и брате любезнейший (и дружбе истинною, а не политикою)»²⁹.

Эти дружеские отношения (как писал Петр, «особливая братцкая любовь») возникли, по-видимому, сразу, при первой встрече летом 1698 года в Раве-Русской, когда Петр, начинающий политик, воодушевленный поездкой по Европе, исполненный честолюбивых планов, впервые встретился с Августом — почти своим ровесником, европейски образованным человеком, красавцем, волокитой, только что ставшим польским королем и тоже мечтавшим о славе своего Отечества. Очевидно, Август, в отличие от Карла XII, был на редкость обаятельным человеком, таким рисует его в своих мемуарах и Константин де Турвиль: «...спокойный и приветливый внешний вид, вкрадчивый и нежный взгляд, приятный тембр голоса, который своей мягкостью очаровывал сердца сопрово-

ждавших, — одним словом, все то, что составляет в совокупности образ обворожительного государя, чего совершенно не было в Карле»^{29a}. Не случайно многие историки считают именно эту встречу решающей в переориентации политики России с южного направления на северное. И кто знает, к чему бы привела такая же встреча русского царя и польского короля, если бы на месте Августа был его предшественник Ян Собеский — увитый лаврами побед над турками старик, одержимый идеей крестовых походов против мусульман, человек другой эпохи, другого мышления и других традиций.

Много лет спустя при составлении «Журнала» Петр включил в него отрывок, в котором звучит уже давно остывшее чувство горечи и возмущения: «...склонился он [Август] тот мир содержать, однакож пошел в Варшаву, и там был благодарный молебен за оную благополучную Калишскую баталию, потом пошел ко Кракову, не объявляя об учинении своего мира ни польским магнатам, ни министру российскому при нем бывшему. И прибыл во Дрезден в декабре месяце, а 16 декабря король Август был у короля шведского в Лейпциге и обедали явно за одним столом король шведский, король Август и Станислав и, сидя за столом, оказывали между себя внешния удовольствия и имел король Август с королем шведским немалое время тайные разговоры. И потом король шведский был у короля Августа и во Дрездене, и имели уже между собою свидания».

Петр получил это ошеломляющее известие по дороге на Москву и тотчас устремился в Польшу, ибо он был человеком дела, а не эмоций. Нужно было начинать все сначала и, главное, не дать развалиться единственному союзу, который у него оставался, — союзу с Речью Посполитой. «Декабря в 10 день государь путь свой восприял из Петербурга в Нарву, а оттоль намерен был ехать к Москве, но тогда получена вышепомянутая ведомость от генерала Меншикова чрез нарочнаго куриера, что король польский Август, учиня, как выше помянуто, тайно партикулярный мир со шведами, уехал ко шведскому королю в Саксонию и по тем ведомостям государь для того пошел в Польшу, дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе, понеже тот мир учинен без ведома оной»³⁰.

Одновременно Петр стремился смягчить дипломатическими средствами силу удара, нанесенного делу Север-

ного союза. В послании Анне, королеве Англии, он призывал к противодействию этому миру и осуждению Августа как нарушителя международных норм. Пример этого Петр видел в том, что Август распорядился выдать в качестве пленных 1600 русских солдат, оставшихся в Саксонии после неудачного Фрауштадтского сражения, а также в передаче шведам русского посланника Паткуля, что Август сделал, пишет Петр, «позабыв свою честь против народных прав и против обыкновения самых варваров... не опасаясь от бога наказания». И конечно, самое главное, что Петра возмущало, — пренебрежение Августа интересами союзника, ибо Август «заключил бесчестный мир с королем шведским и Лещинским, оставляя сему последнему все свои права и корону польскую, отдавая совершенно в руки своего неприятеля, не сообщив нам о том ничего и не уведомив нас, чтоб мы старались о нашей безопасности. Такую-то мы получили награду за бесчисленные ему оказанные нами милости и благодеяния, а что наиболее показывает его неблагодарность, то есть ратификация сего мира, которую он учинил за несколько дней прежде сражения (у Калиша. — Е. А.), дав нам уверение наблюдать ненарушимо существующие между нами договоры, так как сие можно видеть из его писем».

Конечно, Петр не только осуждал своего вероломного друга, но и испытывал досаду на себя: Альтранштадт стал серьезным провалом русской дипломатии, не сумевшей, несмотря на полученные данные о возможности заключения саксонско-шведского соглашения, предотвратить его. В итоге Россия осталась фактически в одиночестве пред лицом грозного противника. Станислав, за которым еще вчера шла всего лишь кучка людей, сегодня стал полноправным королем, его признали иностранные государства, и Карл при наступлении на Россию мог оставить его в тылу. После Альтранштадта Петр пытался найти замену Августу. Он предлагал польский трон многим: вождю венгерского восстания Ф. Ракоци, герцогу Мальборо, Якубу Собескому, Евгению Савойскому и др. Но желающих не нашлось, шляхта стала переходить на сторону Станислава I.

Почва в Польше заколебалась под ногами Петра. И тогда он стал лихорадочно искать посредников, чтобы заключить со шведами мир при условии сохранения за Россией Ингрии. Для этого он обращался к англичанам,

французам, австрийцам, голландцам. Но Карл не слушал никого. Он был согласен на мир лишь на условиях фактической капитуляции России: требовал возвращения всех занятых территорий и выплаты огромной контрибуции. При этом в свойственной ему бескомпромиссной манере Карл настаивал, чтобы Петр признал Станислава I, и заявлял, что он «скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках царских».

Поиски дипломатического решения проблемы оказались тщетными — Австрия и другие страны, вовлеченные в войну «за испанское наследство», увидев шведов в Дрездене, побоялись, что Карл вмешается в общеевропейский конфликт, и поэтому не хотели раздражать его посредничеством. Вооруженная борьба с Карлом в одиночку стала для Петра неизбежностью. И он начал интенсивную подготовку к предстоящему столкновению.

Пожалуй, самым важным из всего, что делал Петр после Альтранштадта, было решение, принятое в декабре 1706 года на военном совете в местечке Жолкиев под Львовом. После обсуждения обстановки в Польше было решено не давать противнику сражения на польской территории, «понеже ежели б какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду, и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет, а в Польше на переправах и партиями, также оголошение провианта и фуражу, томить неприятеля». Этот план реализовывался и на Украине, вплоть до Полтавы³¹.

Следует заметить, что вообще-то Карл был своеобразным политиком и полководцем. Кампании в Польше показали, что, совершив стремительный марш в подчас тяжелейших условиях, он мог наголову разгромить неприятеля, а затем целыми месяцами, стоя на одном месте, спокойно наблюдать, как разбитый им враг накапливал и перегруппировывал силы. Затем следовал новый стремительный победоносный выпад — и вновь наступала пауза. В борьбе с таким полководцем большое значение имела мобильность армии, попросту говоря, крепкие ноги, что часто демонстрировали и Август, и Петр.

После Альтранштадта пауза длилась почти год. В конце лета 1707 года Карл вывел войска из Саксонии в Польшу и простоял там до декабря, а в самом конце декабря внезапно, невзирая на морозы, двинулся в Литву.

26 января 1708 года он стремительно ворвался в Гродно. Царь лишь за два часа до этого поспешно оставил город. Можно понять волнение русского командования, ибо было неясно, куда пойдет Карл — в Лифляндию, на Псков, Москву или на Украину. Карл повернул на юго-восток, и... наступила пауза на пять месяцев, когда король стоял под Минском, а затем в июне двинулся к Березине. Недалеко от местечка Головчино он форсировал реку и здесь впервые столкнулся с основной армией Петра, которой командовал Шереметев.

Это была уже не та армия, с которой Карл познакомился под Нарвой. Она прошла суровую школу походов и сражений в Польше и Восточной Прибалтике. Военная реформа дала свои первые плоды, вырос общий уровень военного искусства, подготовки солдат и офицеров, появился опыт крупномасштабных операций. Да и численностью своей 135-тысячная русская армия вдвое превосходила шведскую. И тем не менее бой у Головчина 3 июля 1708 года, который был первым крупным полевым сражением с основной армией Карла, закончился поражением русских. Заметив, что русская армия, прикрывавшая могилевское направление, растянута на несколько верст, Карл стремительно ударил в центр ее расположения, где стояла дивизия А. Репнина, и после упорного боя сбил русские полки с их позиций, что повлекло за собой отступление всей русской армии. Через пять дней Карл был в Могилеве.

Петр распорядился «начать розыск» над генералом Репниным. Он писал Меншикову 9 июля: «Понеже в прошедшей оказии под Головчиным дивизии генерала князя Репнина многие полки пришли в конфузию и, не исправляя должности своей и покинув пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдатским боем, и про сие злое поведение вышереченному (т. е. Меншикову.— Е. А.) накрепко розыскать, наченши с первого до последнего со всякою правдою, не маня, ниже посягая, но истинною, как стать пред судом божиим, ибо должен будет над сим розыском присягу чинить». Военный суд разжаловал Репнина в рядовые. Генеральское звание будет возвращено ему после сражения у Доброго, где Репнин проявит большую самоотверженность.

Но самое главное — из поражения под Головчином были извлечены уроки, которые пригодились позже. По

поводу этого боя Петр писал: «...я зело благодарю бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от сей его армии одна наша треть так выдержала и отошла»³².

28 августа произошло сражение при селе Добром. Группировка войск генерала М. Голицына атаковала шведов и нанесла им поражение, и лишь вмешательство их основных сил во главе с королем вынудило Голицына отступить. Описывая это сражение, Петр не мог скрыть своей радости — он видел, что в действиях его войск произошли такие качественные перемены, которые воодушевляли на будущее, но оно все же казалось весьма смутным.

Он писал Ф. Апраксину 31 августа: «...и по двухчасном непрестанном огню оных сбили и с три тысячи трупом, кроме раненых, положили, знамены и прочия побрали. Потом король шведской сам на сикурс оным пришел, однакож наши отошли от них, кроме разорения строю (т. е. в порядке. — Е. А.). Надежно вашей милости пишу, что я, как почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай боже впредь так!). И такова еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Боже, не отыми милость свою от нас впредь».

Впервые за многие месяцы напряжения Петр почувствовал облегчение и к нему вернулся присущий ему юмор. В письме Екатерине в тот же день он писал: «Письмо от вас я получил, на которое, не подивите, что долго не отвечивал, понеже пред очми непрестанно неприятные гости, на которых уже нам скучило смотреть. Того ради, мы вчерашнего утра резервовались и на правое крыло карая шведского с осмью баталионами напали и по двочасном огню оног с помозию божиею с поля збили, знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал. Аднакож сей танец в очах горячего Карлуса изрядно стонцевали...»³³.

После Доброго, казалось бы, ничего не изменилось: русские по-прежнему отступали, но их сопротивление все же сыграло свою роль — Карл все больше уклонялся к югу от кратчайшего пути к Москве через Смоленск. Следует подчеркнуть, что отступление русской армии не было бегством. Отступая, армия постоянно тревожила шведов налетами конницы, заваливала дороги, оказывала сопротивление на переправах и, самое главное, создавала

перед неприятелем мертвую зону: деревни сжигались, хлеб, фураж и скот вывозились или уничтожались (это называлось «оголодить оные места»), население отсылалось в леса. 8 сентября Петр с тревогой писал Меншикову: «О здешнем объявляю, что сей пас недоброй ситуации: людей по деревням, скота и хлеба зело много и для отдаления лесов нейдут; и для того мы с нуждою оных высылаем, а достальное берем. А жечь оставляем вам. Зело прошу: извольте гараздо о том око иметь и крепко приказать, чтоб все при отступлении пожечь, понеже зело много»³⁴.

Не удался Карлу и быстрый маневр с целью выхода на калужскую дорогу, а в конце сентября думать о походе на Москву в эту кампанию уже не пришлось: 28 сентября отделившаяся от основной армии группа войск под командованием Петра у деревни Лесной (недалеко от города Пропойска) нагнала и разбила корпус генерала Левенгаупта, шедший с огромным обозом из Лифляндии на подмогу Карлу. Петр давно и пристально следил за Левенгауптом, ибо направление движения его корпуса раскрывало намерение Карла двигаться не в Прибалтику, а в Россию или на юг. Теперь настал момент, когда этот корпус нужно было ликвидировать.

Победа русских была весома: шведы потеряли 6—7 тысяч человек и почти весь обоз. Сражение на небольшой поляне площадью в одну квадратную версту было очень долгим и упорным. Шведы выдержали десять атак русских. К вечеру, как пишет военный историк, «вследствие затяжного характера боя создался перерыв и обе стороны ожидали помощи»³⁵.

Источник, на основе которого сделан этот скупой вывод,— «Журнал» Петра Великого — писался очевидцем и поэтому передает ощущение человека, перед мысленным взором которого встает потрясающая картина: «...и на оном поле всеми людьми на обе стороны в главный бой вступили, который несколько часов продолжался, где неприятеля с поля паки сбили ж, который ушел к своему обозу, а наши стали на боевом месте, где взято 8 пушек и несколько знамен; и понеже на обе стороны солдаты так устали, что более не возможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали, разстоянием линей одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки или ближе... (сей случай зело дивно было видеть, будто

бы неприятели между собою были так кротки и близко друг от друга сидя отдыхали)».

Этот страшный отдых на пропитанной кровью поляне продолжался недолго — к Петру подошла подмога, отряд Р. Х. Боура, и «потом наши паки неприятеля атаковали, где превеликий жестокий был бой и перво несколько залпов выпалили, а потом с байонетами и шпагами прямо на неприятеля пошли и помощью победодавца бога неприятеля совсем с поля сбили и достальные пушки и обоз взяли и совершенную викторию получили, при котором окончании превеликая началась вьюга со снегом, и потом тотчас ночь наступила, и тако оставшийся неприятель случай к уходу получил, а наши, где кого та вьюга застала, тут и ночевали...»³⁶.

Остановимся на минуту. Удивительно, как в глазах очевидцев необычайных событий природа вдруг становится частью этих событий, даже их участником, дружественным или враждебным. В моменты величайших испытаний человек вдруг замечает ее таинственный, исполненный знамениями и смыслом лик. В самом деле, кто в другой, обычной ситуации запомнил бы начавшийся снегопад и быстро опустившиеся при свете костров осенние сумерки? Точно так же удивляет описание украинской зимы 1708/09 года пленными шведами-мемуаристами, видевшими в ее ужасах причины грядущего поражения под Полтавой. Эта зима изображается воинами шведского короля так, как если бы они родились на Апеннинах и описывали зиму под Верхоянском: тут и замерзающий на лету плевков, и падающие от адского холода птицы, тут и раскалывающиеся от мороза деревья и земля, и прочие ужасы, слухи о которых столь распространены были на Западе о России — стране вечного холода, медведей и тьмы.

Но вернемся к «Журналу» Петра. Его автор поясняет нам смысл известного, но непонятого выражения о сражении под Лесной как о «матери Полтавской победы»: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже под регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и по истинне оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила и *мать Полтавской баталии*, как ободрением людей, так и временем, ибо *по девятемесечном времени* оно младенца щастие произнесла, егда со-

вершенного ради любопытства кто желает исчислить *от 28 дня сентября 1708 до 27 июня 1709 года*³⁷.

Прошел лишь месяц после Лесной, как произошло событие, потрясшее Петра. 28 октября, когда Петр направлялся из Смоленска на Украину, он получил от Меншикова сенсационное известие: гетман Иван Мазепа изменил России и перешел на сторону шведов.

Мы излишне упростим дело, если будем видеть в Мазепе человека, чуть ли не родившегося изменником, морального урода, давным-давно вступившего на путь предательства. Все гораздо сложнее, ибо в истории Мазепы как в капле воды отразились проблемы и трагедия всей Украины.

Сначала об «измене» Мазепы как политическом преступлении. Петровская пропаганда сделала все, чтобы представить поступок Мазепы как неслыханное, небывалое прежде преступление. Но стоит нам обратиться к истории Украины после ее вхождения в состав России, как мы встретим множество подобных случаев. Так, преемник Богдана Хмельницкого гетман И. Выговский после смерти Богдана разорвал отношения с Россией, вступил в контакт с Крымом и Польшей и в 1659 году вместе с татарами разгромил войска воеводы Трубецкого под Конотопом. Пришедший ему на смену сын Хмельницкого, Юрий, вернулся в подданство России и, участвуя в войне с Польшей, в самый решительный момент, когда поляки и татары окружили армию В. П. Шереметева под Чудновом осенью 1660 года, не пришел к ней на помощь и заключил с поляками Слободищенский трактат, по которому Украина подчинилась Польше. В итоге армия Шереметева была вынуждена капитулировать.

После раскола Украины на Левобережную и Правобережную и установления системы двойного гетманства гетман Правобережья Петр Дорошенко стал вассалом Турции, а затем вступил в соглашение с гетманом Левобережной Украины И. Брюховецким, который, в свою очередь, долго служа Москве и получив даже чин боярина, восстал в 1668 году против власти России. Потом Дорошенко, став на какое-то время гетманом единой Украины, повел свою армию на русские войска.

В 1687 году гетман И. Самойлович, недовольный сближением России и Польши, обвиняется русским правительством в изменнических связях с татарами и, признанный виновником неудачного Крымского похода,

свергается. Дав взятку в 10 тысяч рублей фавориту Софьи В. В. Голицыну, гетманской булавой овладевает Иван Мазепа.

Так что у Петра, представлявшего точку зрения России, были все основания сказать в 1723 году в ответ на просьбы украинцев разрешить выбрать нового гетмана на смену умершему И. Скоропадскому: «Понеже всем есть известно, что от времени Богдана Хмельницкого, которой пришел в подданство блаженные памяти отцу нашему даже до покойного Скоропатского все гетманы являлись изменниками и какое великое бедство государство наше терпело, а наипаче Малая Росия от того». Но надо при этом отметить, что царь не совсем точен: после Переяславской рады 1654 года Богдан Хмельницкий возобновил союз с Крымом и вступил в переговоры о протекторате со шведским королем Карлом X, несмотря на решительные требования России прервать отношения со Швецией, воевавшей тогда с Россией³⁸.

Основная причина этих «измен» состояла, конечно не в личностях гетманов или свойствах национального характера украинцев, а в особенностях политического и социально-экономического развития Украины в рамках Российского государства. За сто лет после знаменательной Переяславской рады Украина проделала путь от «Статей Богдана Хмельницкого», в которых закреплялась уникальная политическая система, включавшая в себя многие элементы демократического устройства и широкой автономии, к фактической ликвидации автономии и гетманства, к превращению страны в обыкновенную губернию Российской империи, населенную помещиками и крепостными крестьянами. Подчинение Украины самодержавной и крепостнической России не было процессом гладким и безболезненным. Время, о котором мы говорим, — часть этого исторического пути Украины.

В годы царствования Петра произошло немало событий, которые вполне соответствуют проявившимся ранее процессам. Петр с присущим ему деспотизмом, к тому же в спешке войны, мало считался с особенностями политического устройства Украины, видя в гетмане лишь привилегированного исполнителя своей воли. Распоряжаясь материальными и людскими ресурсами Украины согласно задачам, которые он решал в ходе войны со шведами, царь не задумывался над тем, соответствуют ли эти задачи интересам украинского народа. Нельзя при этом забы-

вать, что Украина имела в это время таких опасных соседей, как крымский хан, турецкий султан и Речь Посполитая, в борьбе с которыми она нередко истекала кровью. Тяжелыми, вызывающими недовольство были и многочисленные крепостные работы, рытье каналов, постой и повинности, связанные с содержанием и движением по Украине войск. В одном из писем Головкину в декабре 1706 года осторожный Мазепа писал: «На Украине у нас слава господу богу, все тихо и тихомирно, отчасти токмо между народом роптание происходит с обиды и разорения от войск великороссийских»³⁹.

Оскорбляло национальные чувства украинских казаков и зачастую бесцеремонное обращение с ними чиновников и офицеров, как русских, так и иностранцев на русской службе. Попытки Паткуля муштровать вольных казаков на манер рекрутов в «немецком» строю, бесцеремонное поведение всесильного фаворита Меншикова, пытавшегося помыкать старшиной и даже подчинить себе гетмана, — все это порождало недовольство и рядового казачества, и старшины, и самого гетмана.

Было еще несколько обстоятельств, оказавших серьезное влияние на ситуацию 1708 года. Как известно, Правобережная Украина, находившаяся под властью Польши, в 1680-х годах начала борьбу за воссоединение с Левобережьем под эгидой России. Во главе движения встали С. Палей-Гурко, Самусь, Искра и другие, превратившие его фактически в народную войну. Захватив главные центры Правобережья — Белую Церковь и Немиров, повстанцы много раз обращались за помощью и к Мазепе, и к Петру. Однако царь, исходя из своих интересов, поддерживал тесные сношения с Польшей и поэтому запрещал Мазепе помогать восставшим. Русский посол в Польше Г. Долгорукий писал в декабре 1702 года А. Головину: «Извольте приложить свои труды к польским не потребным бунтам, сколько возможно, чтоб чрез гетмана Мазепу показать полякам, что их польское зло его царскому величеству непотребно».

На этом основании русское правительство требовало от Мазепы склонить восставших к капитуляции перед поляками. В марте 1703 года, отвечая на очередной указ царя по этому поводу, Мазепа писал: «Не могу брать на душу греха, чтобы приветными уверениями склонять Палей, Самуся и Искру к послушанию, а потом отдать их полякам в неволю. Не могу заверять их, что они останут-

ся целы и невредимы, как в своем здоровье, так и в пожитках. Поляки не только над козаками, но и над всем русским народом, находящимся у них под властью, поступают по-тирански. Это показали недавние дела их в Поднестровщине и в Побужье, где они, отмщая за бывший мятеж народный, многих казнили, иных вешали, других бросали на гвозди или сажали на кол»⁴⁰.

В 1703—1704 годах поляки потопили восстание в крови, а Палей был захвачен опасавшимся его влияния и популярности Мазепой и сослан в Сибирь. Представители Речи Посполитой и в Биржах в 1701 году, и позже неоднократно требовали передачи им Белой Церкви и закрепления Правобережья за Польшей. В 1707 году, когда Карл перешел в решительное наступление, Петр в Жолкиеве дал полякам согласие на закрепление раздела Украины на две части. Это, конечно, шло вразрез с интересами украинцев, ибо Днепр для них был не границей, отделяющей одну Украину от другой, а ее становым хребтом.

При этом судьба Правобережья решалась без всякого участия украинцев и Мазепы, который, всегда послушный воле царя, робко пытался смягчить условия фактической капитуляции Правобережья. В письме канцлеру Головкину 23 октября 1707 года он писал: «Конечно, всякая вещь приватная должна уступать общей пользе. Нам трудно знать внутренние намерения великого государя, по которым он, ради союза с Польшею, готов ей делать такую уступку, но мы не ожидаем никакого добра от поляков в близком с ними соседстве. Если уж такова воля великого монарха, что отдавать в польскую область Белую Церковь и другие украинские места, то, по крайней мере, пусть бы министры царского величества с министрами польскими утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и местами, находящимися близко Днепра,— Каневом, Черкасами, Чигириным и прочими...» Чуть позже, в 1713 году, Правобережье было отдано полякам. Раскол Украины был закреплен.

Другое обстоятельство касалось процессов, происходивших в самой «гетманщине» — Левобережной Украине. В условиях военного времени и реформ, усиливших централизацию и самодержавную власть царя, в кругах украинской старшины возникли серьезные опасения, что Петр, реформатор России, не остановившийся перед

уничтожением патриаршества, не остановится и перед ликвидацией гетманства, что коренным образом изменит политическую структуру Украины. Наглядный пример Слободской Украины — южной России, где казачьи полки полностью зависели от местной администрации, был всегда перед глазами. Оснований для таких опасений было достаточно. Как писал, обобщая известные факты, Н. И. Костомаров, «дело шло о переменах в козацком строе управления гетманщины, к этому действительно стремился Петр, хотевший переделать все свое государство на новый лад. Царь до сих пор не трогал малороссийских порядков только из уважения к советам Мазепы, который находил несвоевременным касаться в этом отношении гетманщины, хотя в принципе всегда заявлял пред царем одобрение его преобразовательным планам, чем и поддерживал к себе расположение Петра. Примечательно в этом смысле и одно из писем канцлера Головкина Мазепе: „Зело потребно, чтоб ваше сиятельство с полками regimentу своего походом своим ускорил и с нами, как возможно, случится, ибо мы еще не обычны как с народом малороссийским обходиться, хотя всячески оный охраняем“».

Все эти проблемы, опасения и тревоги во сто крат обострились, когда Украина стала ареной войны, когда казалось, что отступающая русская армия вот-вот покинет Украину. Не случайно в письме старшине после перехода к Карлу Мазепа писал: «А между тем бессильная и невоинственная московская рать, бегающая от непобедимых войск шведских, спасается только истреблением наших селений и захватыванием наших городов»⁴¹.

Полтавское сражение 1709 года, резко повернувшее колесо истории, часто затмевает нам предполтавские события, мешает адекватному восприятию поведения людей того времени. Ситуация была неясная, Петр был готов к худшему — Москва поспешно укреплялась, минировались прибалтийские крепости. Наверно, многие на Украине, и прежде всего Мазепа, задавали себе вопрос: а что произойдет, если Петр покинет Украину или командующий русской армией Б. П. Шереметев окажется в отчаянном положении своего предка В. П. Шереметева, капитулировавшего в 1660 году под Чудновом?

А между тем Мазепе было чего опасаться в случае поражения Петра, ибо гетман всегда был послушнейшим слугой царя, издавна положившим в основу своего пове-

дения принцип: «Где его царскому величеству угодно будет меня держать, там нехай и буду». Такая позиция, ставшая вообще характерной для старшины со времен Самойловича, вызывала недовольство казачества. Вот один из многих примеров.

В 1705 году Петр выдал Мазепе для казни сотника Киевского полка Мандрика, говорившего то, о чем знали и что обсуждали все. Местный городской атаман донес, что этот сотник, едучи с ним на одной повозке, говорил: «Не буде у нас на Украине добра, поки сей гетман живой буде, бо сей гетман — одно з царем розумеет; царь на Москве своих губит и в ссылку засылает, а гетман розными способами до умаления Украину приводит и теперь, як сам слышишь, скільки добрых молодцов без всякой помочи и надежды пропало, для того-то он часто на Москву бегае, щоб там науку брать, яким то способом сей народ сгубити».

Вряд ли несчастный сотник когда-либо читал письма в Москву, в которых старый гетман сам поучал Петра, как владеть Украиной: «Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу (чуть выше он писал: «наш народ глуп и непостоянен». — Е. А.), пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве. Нужно, однако, с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что *если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности*. Я, гетман и кавалер, хочу служить верно до конца живота моего его царскому пресветлому величеству, как обещал перед святым евангелием и непрестанно пекусь о содержании Украины без поколебания...»⁴².

В 1707—1708 годах наступил военный и политический кризис, и Мазепа, учитывая все обстоятельства, понимал, что в случае поражения Петра для него, ставленника царя, придут последние дни. Эти соображения и привели гетмана к мысли об измене Петру. Вступив в контакт со Станиславом I, Мазепа связался затем и со шведским королем. Наконец, в конце октября 1708 года, он, боясь разоблачения, решается бежать к Карлу. Однако поднять Украину ему не удастся. Для этого были как частные, так и общие причины. Выступление Мазепы оказалось совершенно неподготовленным. Опасаясь подозрений царя, он

выслал без возражений большую часть своих войск на другие участки военных действий — в Белоруссию — и тем практически обезоружил себя. Вот почему он перешел к шведам всего с четырьмя тысячами сабель, то есть с теми, что у него тогда были. Лишь много позже к нему присоединились запорожцы, и его силы выросли до десяти тысяч сабель.

Необходимо отдать должное и Петру, проявившему в этот момент удивительную волю, целеустремленность, собранность. Он тотчас же принял два решения, имевших огромные последствия. Главное, по мысли Петра, необходимо было предотвратить расширение бунта и переход на сторону Мазепы украинской армии, находившейся в Белоруссии, и, кроме того, избрать нового гетмана.

Обо всем этом Петр тотчас написал Меншикову: «Письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением (еще бы, за два месяца до этого Петр дал Мазепе особую грамоту, в которой писал: «...обнадеживаем тебя, верного подданного нашего, гетмана и кавалера, что мы, великий государь, наше царское величество, как прежде, так и ныне, за непоколебимую верность твою верного подданного нашего к нам, великому государю, никогда в милости не оставим и верить никаким клеветникам...» — Е. А.). И ныне надлежит трудитца, как бы тому злу забежать и дабы не допустить войску казацкому, при Десне бывшему, переправливаться за реку по прелести гетманской. Того ради, пошли немедленно к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы то им помешали. А полковникам и старшине вели, сколько возможно, ласково призвать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюды для обрания нового гетмана. И буде полковник Миргородцкой где в близости обретаецца, то прикажи ево, сыскав, к нам прислать, обнадежа ево милостию нашею, потому, что он великой неприятель был Мазепе. Також и вы немедленно приезжайте»⁴³.

В тот же день особым указом с украинского народа были сняты налоги и повинности военного времени, якобы назначенные в свою пользу Мазепой. Через четыре дня после получения известия об измене Мазепы Батурин — столица Мазепы — был взят, сожжен, а часть жителей вырезана. 7 ноября старшина, собранная по указу Петра в Глухове, выбрала в гетманы указанного царем кандидата — И. Скоропадского. 8 ноября Мазепе было

объявлено церковное проклятье. 10 ноября его ближайшие сподвижники, захваченные в Батурине, были публично казнены. Позже была разгромлена примкнувшая к Мазепе Сечь.

Но все же главная причина того, что восстания не произошло, состояла в том, что к этому времени демократический строй казацкой республики выродился, старшина уже давно эволюционировала в привилегированное сословие, наделенное землями, богатством, властью, оторванное от широких масс казачества и крестьянства. Мазепа — ярчайший представитель старшины — не был популярен в народной среде, как когда-то Богдан Хмельницкий или Семен Палей. До своего бегства к шведам он ничего не сделал, чтобы сплотить, повести за собой народ, который жил уже полстолетия в составе России и, уstraшенный расправой с Батурином, угрозами царских манифестов, ужасами войны, не доверяющий неведомо откуда появившемуся жестокому заморскому завоевателю, молчал в ответ на призывы экс-гетмана.

Все это позволило Петру написать в одном из писем об Украине: «Сей край как был, так и есть», хотя чувство недоверия к старшине и новому гетману оставалось у него очень сильным. Приняв решение о генеральном сражении под Полтавой, Петр сообщил об этом всем воинским начальникам, кроме гетмана Скоропадского, чтобы «не пронеслось», то есть не было утечки информации. Позже, уже после Полтавы, к гетману был приставлен ближний стольник А. П. Измайлов, в указе которому поручалось: «Будучи при гетмане Скоропадском, смотреть накрепко, чтоб как в нем, гетмане, так и в старшине, и в полковниках никакой шатости к измене и к возмущению народа, также и подсылок к ним с турецкой, с татарской, с польской, с швецкой сторон и от изменника Мазепы и от единомышленников его и от изменников же донских казаков и тем подобным для склонения их к такой же измене не было. И разведать того накрепко всякими способами. И буде о том подлинно уведает, и то пресерегать, и до того не допускать, для чего под команду его велено быть пехотным полкам, которые преж сего при прежнем гетмане до измены его были»⁴⁴.

Однако вернемся к осени 1708 года. Тогда звезда Карла стояла очень высоко, и Мазепе казалось, что не все потеряно. Поэтому он убедил короля не уходить на зиму с Украины, обещая поднять ее население против

русского владычества. Однако там шведов ожидали не теплые зимние квартиры, а разоренные перед их приходом деревни и укрепленные городки, которые приходилось брать с большими жертвами.

В это время Петр вновь попытался вступить со шведами в переговоры, ставя прежние умеренные условия: Ингрия с Петербургом и Нарва за уплату значительной компенсации. Однако Карл речей о мире слушать не желал, он рвался в бой, рискуя жизнью, участвовал в мелких стычках, которые ему непрерывно навязывались русским командованием.

Силы шведов все больше и больше таяли. К мирному населению Украины Карл был все так же жесток и немилосерден: тяжелые поборы, штрафы, телесные наказания, при сопротивлении население городков и деревень поголовно вырезалось. Соответственно росло и партизанское движение против шведов. В декабре 1708 года Мазепа, увидев, что его положение шатко, а украинцы играют роль подручных шведов и те с ними не считаются, решился переметнуться назад. Приехавший от него полковник Апостол сообщил, что Мазепа готов искупить вину и надеется получить прощение, выдав при удобном случае Карла головой. Предложение было принято, но связь с Мазепой прервалась.

Весной 1709 года силы шведов были сосредоточены в районе Полтавы, к осаде которой они приступили в начале мая. Взятие Полтавы обеспечивало Карлу сильный опорный пункт на Левобережье, открывало дорогу на Харьков и Белгород, а также Крым и Очаков, хотя не лишена основания мысль, что Карл надеялся осадой Полтавы заставить Петра вступить в сражение в открытом поле — в надежде на несомненную победу.

Расчет оказался верным. После семинедельной осады комендант Полтавы А. С. Келин сообщил Петру, что обороняющиеся находятся на пределе сил и возможностей. Петр не мог допустить сдачи Полтавы. Он приказал Келину держаться до подхода основной армии — желание Карла стало и его желанием. 8 июня он писал Г. Ф. Долгорукому: «Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать с божиею помощью и в то время надлежит вам також со всеми конными войсками регулярными и нерегулярными в другую сторону напасть и потщиться добрую диверсию и ущерб, по возможности, неприятелю учинить»⁴⁵.

20 июня 1709 года русская армия форсировала реку Ворсклу и встала в нескольких верстах от Полтавы. За спиной у нее был крутой берег реки, справа — глубокая лощина, слева — густой лес. Войска возвели укрепленный лагерь, перед ними тянулось довольно узкое поле, выходящее к Полтаве. Поперек этого поля Петр приказал возвести несколько земляных укреплений — редутов, огня которых миновать при подходе к лагерю было невозможно.

В короткую ночь с 26 на 27 июня 1709 года шведская армия вышла из лагеря в поле и построилась в боевом порядке. Раненного в стычке незадолго перед этим короля вынесли на носилках, и армия приветствовала его. Главнокомандующий фельдмаршал Реншильд, повинаясь приказу короля, дал команду о наступлении. Шведы четырьмя колоннами двинулись вперед.

Это был исторический момент. На поле боя вышла одна из лучших в тогдашней Европе армий, не утратившая со времен Густава-Адольфа своих прекрасных боевых качеств, всего того, что выгодно отличает национальную армию, укомплектованную из свободного крестьянства, от армии наемников, которые, впрочем, тоже были в армии Карла. Во главе 30 тысяч солдат, прошедших горнило девятилетней войны, стояли опытные офицеры. Лучшие шведские генералы — Реншильд, Стенбок, Левенгаупт, Розен, Горн, Фиельд, Спар, принц Виртембергский, Гамильтон, Штакельберг — были в тот день на Полтавском поле. Наконец, во главе армии стоял великий полководец — король, не ведавший до сего дня поражений.

Можно представить себе волнение Петра. Он не любил генеральных сражений, знал, как часто в них волею случая решается судьба кампании, войны, страны. В декабре 1708 года он писал Ф. М. Апраксину: «...не чаю, чтоб без генеральной баталии сия зима прошла (понеже к весне не без опасения есть), а сия игра в божьих руках, и хто ведает, кому счастье будет?...»⁴⁶.

Вместе с тем он понимал, что иного пути, как через поле генерального сражения, нет, — таковы обстоятельства, таков противник. И уже в конце 1708 года Петр был готов к такой битве. Он учитывал, что русская армия после Головчина, Доброго, Лесной получила достаточный боевой опыт, что противник изрядно потрепан в ходе маневрирования и постоянных стычек на Украине, что пре-

жнюю тактику борьбы на переправах применять теперь будет невозможно. Наконец, он опасался, что к весне на помощь королю придет из Померании корпус генерала Красау и армия Станислава I. В письме членам военного совета он излагает необходимость изменения тактики и поиска сражения: «Понеже всегда советовано удалиться от генеральной баталии, что и чинено чрез все лето, чувствительно же великой урон неприятелю учинен. Ныне же по всем видом едва или и весьма невозможно без генеральной баталии обойтись при наступающей зимы, где ни рек, ни болот не будет, но фсе глатка. Також совершенно есть, что Красоф и Станислаф с поляки идут в случение к шведу. Того ради, подобает прежде, нежели случатся сии и усилят неприятеля, обмыслить, что делать, ибо конечно неотложно надлежит сею зимою, взяф бога в помощь, что-нибудь генерально учинить, не допуская весны, ибо тогда худова, а не лучшего ждать. Для того ныне проситца совету на сие...»⁴⁷.

Вряд ли целесообразно детально описывать знаменитое сражение, прославленное пером Пушкина. Уже на второй странице читатель, не имеющий специальной подготовки, запутывается в подробностях того, кто куда пошел и где что сделал. Подозреваю, что и не всякий автор, подробно воспроизводящий на бумаге все фазы боя, сам в состоянии все запомнить и без запинки повторить. Поэтому обратимся к письму Петра, написанному сразу же после сражения Ф. Ю. Ромодановскому. В нем царь излагает ход сражения и его результаты:

«Доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил с малою войск наших кровию таковым образом. Сего дни, на самом утре, жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пешею атаковал, которая, хотя по достоинству держалась, однакож, принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагеру, против которого тотчас всю пехоту ис транжаменты (укрепления.— Е. А.) вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках. Что неприятель, увидя, тотчас пошел отаковать нас, против которого наши встречу пошли, и тако оного встретили, что тотчас с поля збили. Знамен, пушек множество взяли... (Далее Петр перечисляет пленных генералов.— Е. А.) И единым словом сказать: вся неприя-

тельская армия Фаэтонов конец восприняла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)...»⁴⁸.

К этому нужно добавить, что шведы, начавшие сражение, сразу же были вынуждены решать проблемы, которые им навязывал Петр. Вначале это было упомянутое Петром кавалерийское столкновение, затем, отогнав кавалерию Меншикова, шведы были вынуждены преодолевать находившиеся непосредственно перед центром их наступающих сил редуты, обороняемые русской пехотой. О редутах шведы из-за плохой разведки даже не знали и поначалу приняли их за основные силы русских. Преодоление редутов, из которых велся перекрестный огонь, потребовало от шведов довольно сложных маневров, при которых одна из их колонн оторвалась от основных сил и была уничтожена кавалерией Меншикова. Затем наступавшие полки Левенгаупта попали под огонь русской артиллерии у лагеря. Вообще артиллерия в сражении сыграла важную роль (при полном ее отсутствии у шведов). Можно сказать, что сражение прошло под гул сотни русских орудий, которые на всех этапах боя наносили противнику большие потери. Все это замедлило наступление шведов и позволило Петру беспрепятственно вывести армию из укрепленного лагеря. Выйдя в поле, она, согласно линейной тактике, построилась побатальонно в две линии. При этом она имела численное превосходство (32 тысячи против 20 тысяч шведов).

Войска были построены Петром необычно — вторая линия батальонов находилась на значительном удалении от первой, вне досягаемости огня противника. Это создавало опасный разрыв в построении, но позволяло избежать лишних потерь. В решающий момент свежие батальоны сыграли свою роль. С началом общего сражения шведы стремительно атаковали дивизию Репнина и прорвали первую линию, опрокинув один из батальонов. Петр, внимательно наблюдавший за боем, принял команду над стоявшим во второй линии свежим батальоном и немедленно повел его к месту прорыва. Здесь начался упорный рукопашный бой, вскоре распространившийся вдоль всей линии. Наступила кульминация сражения. Русские батальоны первой линии выдержали удар, а затем перешли в наступление.

Остановимся на минуту. В трех последних столетиях судьба страны решалась в трех генеральных сражениях:

под Полтавой, Бородином и в Сталинграде. И, несмотря на колоссальные различия этих сражений, в них есть что-то неуловимо общее: инициатива у противника, ведущего наступление, и в кульминационный момент битвы судьбу сражения решает стойкость русского солдата, способного выдержать колоссальное давление и не дрогнуть.

Так произошло и на Полтавском поле. Давление продолжалось не более двух часов, и шведы, опасаясь охвата с флангов, начали отступать. В «Журнале» Петра об этом говорится таким образом: «...и тако о 9 часу пред полуднем генеральная баталия началась прежде между нашего леваго, а неприятельского праваго крыл, а потом и во весь фронт обеих войск, в которой хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож то все далее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали и от наших войск с такою храбростию вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивящще удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнута, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами колоты и даже до обретающагося леса, где оные пред баталиєю строились, гнали...»

Далее леса русские войска не преследовали неприятеля, и «по окончании сего щастливаго бою государь обедал в обозе своем в палатках или шатрах и при том все наши генералы, штапы и обер-офицеры, такожде и шведские пленные генералы были; во время той баталии первый шведский министр граф Пипер, увидя, что ему спастися не возможно, сам приехал к Полтаву купно с секретарями королевскими Цедергельмом и Дибеном, и потом он, Пипер, приведен был в помянутую же ставку к государю, и с протчими пленниками трактован тут же за столом, где сидел шведский фельдмаршал Рейншильд и протчие генералы. Между тем же государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейншильда в воинских делах, пожаловал ему шпагу свою и позволил ее носить. Того же числа в вечеру за достальным неприятелем вслед посланы генерал-порутчик и полковник от гвардии князь Голицын с гвардиею, да генерал-порутчик Боур с драгунскими полками, на завтра ж в 28 день июня князь Меншиков туда же послан»⁴⁹.

Анализируя ситуацию, многие исследователи недоумевают: почему Петр не начал сразу же преследование противника? Это становится понятным, если вспомнить, что, создавая регулярную армию, Петр был последовательным сторонником линейной тактики. Согласно ее принципам главная задача армии в сражении — сбить противника с поля боя, «занять боевое место». Покидать же границы поля боя для преследования противника не рекомендовалось из-за угрозы сломать построение пехоты, смешать войска в дефилях и потерять над ними управление. К этому нужно прибавить, что сражению предшествовала бессонная ночь, а затем страшное напряжение битвы сменилось смертельной усталостью людей и животных. Не случайно в «Обстоятельной реляции» о битве было сказано, что конница преследовала шведов не более полутора миль, «а именно, пока лошади ради утомления итти могли». Сам же Петр писал П. А. Мусину-Пушкину 13 августа 1709 года: «Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен, но ныне, слава богу, оздравел...»⁵⁰.

Нет никаких оснований подозревать Петра в несочувствии древним традициям (и естественному желанию прошедших сквозь смерть и огонь людей) отмечать победу чаркой водки сразу же на поле боя. Не исключено, заметим в качестве шутки, что именно во время этого застолья, на котором Петр так великодушно «трактовал» своих пленников — «учителей», возникла идея найти и пригласить за импровизированный земляной стол самого главного «учителя» — короля Карла, для чего послали Голицына, Боура, а потом Меншикова. Следует отметить, что Карл повел себя тоже по-джентльменски, поздравив Петра с победой, но попытался при этом схитрить и задержать преследователей. В «Журнале» Петра есть одна любопытная запись: «В 28 день приехал в Полтаву шведский генерал-майор Мейерфельд от короля шведскаго под видом некотораго будто комплимента, только за благо рассудили его задержать и поставить с другими пленниками, ибо он от короля не токмо кредитиву, но и паспорта не имел»⁵¹.

А вот что пишет об этом эпизоде Д. Крман — очевидец Полтавского сражения: «Король Карл, вряд ли когда-либо испуганный такой большой опасностью и несколько взбешенный, помог себе хитростью, послав к царскому величеству генерала Мейерфельда, чтобы тот похвалил

бы от имени своего короля мужество царя, то, что он вынудил короля начать битву и занял поле сражения, и одновременно попросил бы милостивого разрешения похоронить погибших в бою, а также составить список пленных и убитых. В действительности же он поехал с той целью, чтобы привести в растерянность победителя и подольше задержать его, находящегося под впечатлением неожиданной победы, от преследования побежденных. Король Карл не обманулся в своих ожиданиях, ибо царь, сияя от радости и удовлетворения достигнутой победой, встретил генерала Мейерфельда залпом из нескольких пушек и обратился к нему, допущенному перед его очи, так: «Что это происходит?! До этого, намереваясь вступить в Полтаву, вы не смогли этого сделать, сегодня вы нехотя вступаете?!» — «Происходит это, — отвечал генерал Мейерфельд, — из-за неизбежности судьбы и непостоянства счастья и прежде всего из-за воли всевидящего бога». После этого он угостил Мейерфельда богатым обедом и удовлетворил его просьбы. Но неожиданно он задержал его при себе на много дней и отпустил от себя при данном им обещании: или он сам возвратится в тюрьму, или же вместо себя пошлет другого генерала...»⁵² Мейерфельд сдержал данное слово. Прибыв в Стокгольм, он добился освобождения и отправки в Россию пленного русского генерала Бутурлина.

30 июня, совершив утомительнейший переход, кавалерия М. Голицына настигла у Переволочны шведов, но «пригласить» короля к царю уже не смогла. Карл с кучкой приближенных, драбантов — охраной и с Мазепой переправился на правый берег Днепра, и нерасторопный генерал Волконский с драгунами уже не смог его догнать, чем был очень недоволен прибывший к Переволочне Петр. Он приехал тогда, когда шведские войска уже сдались. Этот удивительный факт, когда 16-тысячная армия сложила оружие перед 9-тысячным отрядом кавалерии, не дает покоя историкам многих поколений. По-видимому, на подобное решение командующего Левенгаупта, имевшего от короля указ отступать в сторону Крыма, повлияло немало неблагоприятных факторов: трехдневное бегство по голой степи, недостаток боеприпасов, продовольствия, отсутствие средств для переправы через двухкилометровой ширины Днепр и, наконец, общая деморализация и апатия войск, потерпевших полное поражение и поэтому легко поддавшихся на военную хитрость

Триумфальное вступление русского войска в Москву после побед при Лесной и под Полтавой 21 декабря 1709 года. Гравюра А. Ф. Зубова. 1711 г.

Голицына, издали демонстрировавшего противнику «пехоту» из спешенных наездников и «конницу» из лошадей.

Вообще, и в сражении, и после него шведы допустили массу ошибок, стали жертвой избранной ими стратегии и тактики в этой войне. Петр, как он ни был упоен победой, напряженно думал над обстоятельствами битвы и причинами поражения такого сильного противника, как шведский король. Левенгаупт вспоминает, что после капитуляции его пригласили на обед, он сидел за одним столом с царем и тот его расспрашивал о различных эпизодах войны, в том числе о Риге, которую, как стало потом известно, Петр хотел осаждать в ближайшее время. Но потом «он больше ничего не спрашивал о Риге, но спросил, почему мы с армией столь далеко углубились, не прикрыв тыла? и почему наш король не держал военного совета? с какой целью шел он под Полтаву? почему мы атаковали русских в том месте, где наше положение было наиболее тяжелым? почему в деле мы не использовали пушек? почему после первого натиска мы отступили влево и столь долго стояли на месте? и почему пехота и кавалерия не встретились на сходящихся направлениях? Мы не могли ответить на эти вопросы более того, что знали, ведь с нами ни о чем не советовались, тогда он посмотрел на графа Головкина и господина Шафировва, который переводил его речь на немецкий, сказав, что он весьма удивлен, как это генералы ничего не знают...»⁵³.

Только анализируя эти вопросы, военные историки, исходя из известного выражения Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», могли бы многое понять. Но даже и непрофессионалу ясно, что Петр поступал бы иначе, предпринимая такой поход и вступая в такое сражение. Но человек не может знать своей судьбы, и прошло лишь два года, как Петр, оказавшись на Пруте в тяжелейшем положении, повторил многие ошибки своего противника.

А пока победители подсчитывали трофеи. Кроме почти 19 тысяч пленных на поле боя было подобрано много оружия, знамен. Свыше 9 тысяч шведов были похоронены под Полтавой.

Потери русских, если верить «Журналу», были сравнительно незначительны — 1345 убитых и 3290 раненых. Петр был в восторге от победы, которую, верный прису-

щему ему чувству реализма, назвал в цитируемом письме «зело превеликой и нечаемой викторией»⁵⁴.

И еще один вопрос: чтобы было бы, если бы Полтавское сражение было проиграно армией Петра? Некоторые свидетельства с несомненностью говорят, что он в случае катастрофы намеревался продолжить борьбу. Возможно, он был готов во имя этого временно оставить Прибалтику. Так нужно интерпретировать письмо Петра Апраксину из Лебедина 3 декабря 1708 года, в котором он писал что судьба генерального сражения в руках бога и «хто ведает, кому счастье будет?». А далее он дает распоряжение о полках, находившихся в Прибалтике: «...того ради для всякаго случая удобно я рассудил: сим полкам всем быть к Москве (которое место полдороге меж нами и Питербурхом), и потом увидим, куды удобнее к весне оных поворотить, ибо здесь в генваре все окажется», то есть произойдет генеральная битва⁵⁵.